

ХУДОЖНИКА ЭКЗАМЕНУЕТ ВРЕМЯ

Звезда, 1979, 22 августа

В этом человеке есть особое обаяние собеседника: энергичный, напористый, словно старающийся убедить вас в чем-то рассказчик, внимательный, не пропускающий ни одного вашего слова, благодарный слушатель; его широкая добрая улыбка располагает к себе, и кажется, что вы уже давно его знаете. Собственно, так оно и есть, писатель из Колумбии Габриэль Гарсиа Маркес хорошо знаком советским читателям. Его рассказы, романы «Сто лет одиночества» и «Осень патриарха» получили широкую известность во всем мире и у нас в стране. Сейчас писатель — гость Московского фестиваля. Журналисты, переводчики встретились с ним в редакции журнала «Латинская Америка», где он и ответил на их вопросы.

— Советским читателям хорошо известны ваши рассказы, романы, но вы ведь долгое время работали и в качестве киносценариста?

— Кино меня интересует как самое полное средство художественного выражения, и я всегда с удовольствием смотрю фильмы, но моя судьба в кино не сложилась. В основном потому, что на Западе не идет речь о киноискусстве, там это главным образом кинопромышленность. То, что я пишу, продюсеры не устраивает, а то, что они хотели бы получить от меня, не хочу делать я...

— Но, вероятно, автору хотелось бы увидеть героев своих романов на экране?

— Я противник того, чтобы романы были экранизированы. Даже за все те миллионы долларов, которые мне предлагает Голливуд. Хочу, чтобы каждый читатель видел героев моих книг такими, какими он их себе представляет...

— Читателей интересует, как

родился замысел романа «Осень патриарха», выпущенного недавно издательством «Художественная литература» в переводе белорусских писателей В. Тараса и К. Шермана.

— У меня всегда было желание рассказать правду о диктаторах, о власти, о политических карьерах. Показать, что происходит с ними, дорвавшимися до абсолютной власти. Ну, а прототипов для этого в Латинской Америке предостаточно...

— Кто из писателей оказал влияние на ваше творчество?

— Очень трудно говорить о влияниях. Я был бы несправедлив, если бы назвал трех-четырех авторов или даже десять... С точки зрения языка влияние на меня оказали произведения писателей «золотого века» испанской литературы. «Осень патриарха» наполнена и песнями народов Карибского бассейна. Они особым образом очень эмоционально рассказывают обо всем. Роман отмечен еще и поэзией Рубена Дарио, никарагуанского поэта, на другие языки мало переведенного...

— Кого из русских писателей-классиков вы бы назвали?

— Первый, кого я могу назвать, — Достоевский. Но если говорить вообще о мировой литературе, то это Лев Толстой. «Война и мир» — самый великий роман, который был написан во все века.

— Когда вышел роман «Сто лет одиночества», многие сказали, что лучше вроде написать и нельзя. После выхода в свет «Осени патриарха» вы заявили о том, что больше не будете ничего публиковать, кроме политических репортажей, до свержения Пиночета...

— Да, после окончания «Осени патриарха» я долго не публиковал ничего из прозы. Но я же не давал обет не писать во-

обще. Сейчас я работаю над интересным материалом, на который натолкнулся будучи в Риме — о том, что происходит с латиноамериканцами в Европе, о столкновении культур, психологий.

— В моей книжке были записаны случаи, которые говорят о том, сколь богаче и многограннее жизнь даже самых талантливых замыслов романистов. Таких заметок у меня было около ста. Но случилось так, что я потерял эту книжку. Вспомнил сейчас только двадцать шесть из них. Десять рассказов уже написал...

Сейчас еду в Барселону, чтобы написать там о своих впечатлениях от поездки во Вьетнам, где был три недели. Эту журналистскую работу я должен сделать самым серьезным образом. Хочу съездить еще раз в Никарагуа и после этого написать материал, использовав и тот, который у меня уже был. Теперь я могу это сделать. Когда я ехал во Вьетнам, мои никарагуанские друзья обещали, что Сомоса будет свергнут к моему приезду, но оказалось, что они не смогли дожидаться меня. О свержении диктатора я узнал в Токио...

— Хотелось бы узнать, что вы думаете о призвании писателя?

— Я знаю много случаев, когда вышедшая книга производила эффект взорвавшейся бомбы. Но потом о ней забывали. Меня волнует, что будет с моими книгами с течением времени. Поймите правильно, меня волнует не количество изданий. Главное, чтобы книга перешла от одного поколения к другому, чтобы книга, которую читали отцы, перешла бы к детям. Я думаю, настоящее призвание писателя писать вот такие книги.

Г. ДОБЫШ.